

Увидев это, осажденные побежали с вала, ища, куда бы спастись от опасности, но не найдя убежища, стали просить пощады и разрешения выйти к епископу. Им дали мир и разрешили пройти; и вышли Мадэ и Гайлэ с прочими. Им сказано было сдать замок со всем, что там есть, если хотят сохранить жизнь.

Эти условия им не понравились, они вернулись в замок, и начался бой сильнее прежнего. Снова пустили в ход все военные орудия, рыцари, одевшись в доспехи, пытались вместе с герцогом взойти на вал, чтобы занять верхнюю часть замка, но осажденные сами уже едва живые, отбили их. После этого устроены были костры из массы бревен, под них подложили огонь, громили вероломных всячески, и наконец на следующее утро они, обессиленные, сдались: стали по одиночке спускаться с вала и, склонив головы, сдаваться нашему войску. Около полудня, когда уже сошло их до двухсот человек, вдруг явился наблюдавший из лесу Вестгард с большим отрядом своих семигаллов и литовцев, чтобы вступить с нами в бой. Мы тотчас выстроили наши отряды против них, а вокруг замка расставили пеших. Тут кое-кто из наших, безрассудные люди, каких всегда много, схватили старейшин, пришедших из замка, и больше сотни из них убили без ведома господ, ушедших на поле биться с язычниками. Визвальд же, старейшина Аскраты, подошел ближе к врагам и стал звать их на поле сразиться с тевтонами. Они ответили: "Мы получили от семигаллов плату за то, чтобы прийти и увидеть ваше войско. Так вот теперь мы видели его и возвращаемся в свою землю, не желая нарушать мир, заключенный с вами". Когда литовцы ушли, тевтоны вернулись к замку и нашли старейшин убитыми. Те же, кто остались в замке, видя гибель своих, больше не решались выходить. Снова началась битва, полетели стрелы; ливы и лэтты с осадной башни многих у них перебили копьями; зажжены были костры; подрытый крепостной вал рухнул вниз. Видя это и не имея больше никаких надежд на оборону, осажденные всю ночь умоляли дать им твердое обеспечение мира, чтобы им, выйдя из замка, сохранить жизнь. Сжалился над ними епископ, с герцогом и всей массой войска, и послал им в замок знак святого креста, и они поверили и обещали впредь никогда не нарушать таинства святого крещения. И вышли они из замка с женщинами и детьми и разошлись по своим деревням. Войско же, войдя в замок, забрало деньги, все имущество, коней и скот, а ливы и лэтты, не оставив там ничего, все вынесли, подожгли замок и со всем награбленным возвратились в Ливонию, принося благодарность Богу за возмездие, посланное Им на этот криводушный народ, который, забыв о своих обещаниях, отверг веру Христову, насмеялся над благодатью крещения и не убоился вновь оскверниться языческими обрядами.

Вернувшись из Семигаллии, рижане вспомнили все зло, какое так часто причиняли ливонской церкви гариионцы и эзельцы, и дав двухмесячный отдых и себе и коням, вновь собрали большое войско из ливов, лэттов и тевтонов, при котором были также герцог саксонский Альберт, старейшина их, магистр Волквин со своими братьями и Теодерих, брат епископа, с прочими церковными людьми. И собрались они у Саккалы, где было место сговора войска и молитвы, отслужили торжественную мессу и выступили к Пале. Там созвали к себе жителей Саккалы, Унгавнии, а также гервенцев, выбрали из них проводников и разделили войско на три отряда. По жребию досталось ливам, идти на левом крыле, эстам -- на правом, а тевтоны с лэт-тами по обыкновению избрали себе середину. Поднявшись утром до рассвета, выступили мы в Нурмегундэ, идя в середине, а когда взошло солнце, увидели впереди большой огонь и дым в гервенской земле. Гервенцы не раз уже были побеждаемы ливонской церковью, дети их оставались заложниками в Ливонии, а все они готовы были ежегодно платить свой оброк и принять крещение. Поэтому эзельцы, собрав большое войско, бросили жребий, чтобы узнать, угодно ли богам, чтобы они сразились с датчанами в Ревеле или чтобы вторглись в область гервенскую. И пал жребий на гервенцев. И направил их туда Бог в тот же день, в какой и мы явились. В то же утро они разослали свое войско по всем деревням,